

ГАРАНТИИ БЕЗОПАСНОСТИ ЛИЧНОСТИ КАК ОСНОВА ВИКТИМОЛОГИЧЕСКОЙ ПРОФИЛАКТИКИ

В. Туляков

Безопасность как состояние либо качество защищенности от реальных либо потенциальных угроз, страха, неуверенности, депривации и иных лишений [1], играет важную роль в современной концепции миропонимания. Нет нужды говорить о значимости создания системы глобальной общемировой безопасности для обеспечения различных аспектов жизнедеятельности. Мир вздохнул с облегчением, когда политика холодной войны и конфронтации сменилась политикой кооперации и сотрудничества. Вместе с тем движение мировых систем к ядерному разоружению является не простым делом. По данным Министерства энергетики США, в течение ближайших 10 лет американское правительство должно затратить более 230 миллиардов долларов на ликвидацию части из созданных США 70000 ядерных боеголовок [2]. Не прекращаются попытки завладеть наработанным в СССР оружейным плутонием и опасения ядерного шантажа со стороны стран, обладающих мощными средствами доставки [3]. Так, в 1994 г. объединенные спецгруппы Министерства энергетики и Минбороны США совместно с правительством Казахстана осуществили секретную операцию "Проект Сапфир" по транспортировке в Америку около 600 килограммов высокообогащенного урана, оставленного практически без присмотра на подлежащей консервации перерабатывающей фабрике в Северном Казахстане. В соответствии с заявлениями представителей американского правительства вынужденность этой операции диктовалась чрезмерным интересом иранских спецслужб к данному объекту [4].

Гарантии безопасности — естественная потребность каждого человека и общества в целом. Усиление эффективности Хельсинкского процесса в уп-

рочении безопасности в Европе и мире в общечеловеческом, политическом, военном, экономическом смыслах подчеркивалось многими участниками Лиссабонского саммита (1996 г.) стран членов ОБСЕ, посвященного разработке модели общей и всеобъемлющей безопасности для Европы XXI века [5]. Концептуальные основы системы национальной безопасности созданы в Украине [6]. В силу этого рассмотрение проблем общих характеристик безопасности, объектов безопасности, факторов и угроз безопасности является основной проблемой создания современной системы обеспечения жизнедеятельности любого объекта: личности, организации, государства в целом [7].

Ведущей в определении начал безопасного поведения является проблема определения нормы безопасной социальной активности.

История познания нормы социального (в том числе и безопасного) поведения чревата многочисленными перипетиями. С традиционной, легалистской точки зрения ее вовсе не существует, — есть история развития общества, которая детерминирует понятие нормы в конкретном политико-правовом континууме. "Бытие социальных норм — метасистемное. Это означает, что они существуют одновременно в разных системных состояниях и проявлениях. Иначе говоря, социальные нормы суть структуры общественных отношений, остающиеся тождественными (инвариантными) в различных системах — реальных, концептуальных, бихевиоральных и т. д. В статистическом аспекте эти образующие коренное качество социальных норм структуры выступают как статистические системы-процессы", — писал, анализируя функциональную природу социальных норм, В. Д. Плахов [8].

Процесс познания социальных норм и отклонений как проявлений социальной формы описан многими учеными. В работах С. С. Алексеева, В. Я. Афанасьева, Я. И. Гилинского, В. Н. Кудрявцева, П. Сорокина, А. М. Яковлева и других предлагаются анализ норм и присущих им девиаций, характеристики их сущности и значения с построением системно-логических оснований социологии отклоняющегося поведения как специальной социологической теории. Но главное состоит в том, что девиация трактуется как отступление от нормы, норма же предполагается понятием данным и достаточно устойчивым в конкретном обществе, социальной группе. Уточняя эту позицию, Н. Смелзер отмечает: "Девиация с трудом поддается определению, что связано с многообразием социальных ожиданий, которые часто представляются спорными. Эти ожидания могут быть неясными, меняющимися со временем, кроме того, на основе разных культур могут формироваться разные социальные ожидания. С учетом этих проблем социологи определяют девиацию как поведение, которое считается отклонением от норм группы и влечет за собой изоляцию, лечение, исправление или другое наказание" [9]. Указанная позиция, основываясь на релятивизме ценностно-нормативной структуры общества, предполагает множественность ее нарушений. Однако это обстоятельство, наряду с неоднородностью и неравнозначностью различных по силе и императивности действия социальных норм, накладывает определенные ограничения на операциональное применение подобного толкования девиации. В данном контексте, если попытаться формально довести до логического конца категориальное описание нормы и патологии, то обнаружим, что критерии индивидуальной нормы и патологии зависят не от общества, а от индивида, самостоятельно определяющего, что ему полезно, а что вредно.

Попытки познания норм безопасного поведения в обыденном смысле как среднестатистических, устойчивых правил и принципов социальной актив-

ности, выражающихся в абсолютной приспособленности и адаптированности к окружающей среде, также не дадут ожидаемого результата. В таком контексте лишь нравственная ненормальность лиц, прячущих себя в "башне из слоновой кости", будет являться нормой. М. Е. Салтыков-Щедрин по этому поводу заметил: "Неправильно полагают те, кои, обезумев от страха, сидят в норах и дрожат. Нет, это не граждане, а по меньшей мере бесполезные пискари. Никому от них ни тепло, ни холодно, никому ни чести, ни бесчестия, ни славы, ни бесславия... живут, даром место занимают да корм едят" [10].

Основной проблемой для подобных подходов к познанию нормы в социальных науках стало появление в работах обществоведов ссылок на общечеловеческие принципы и понятия. И это естественно, поскольку такая трактовка нормы безопасного поведения диктуется самой логикой развития научного познания. "Если негативные критерии указывают (и то весьма условно) границу между нормальными областями нормы и патологией, если статистические и адаптационные критерии определяют нормальность как похожесть на других и соответствие требованиям окружающих, если культурный релятивизм все сводит к микросоциальным установкам..., то данный подход пытается выделить то позитивное..., что несет в себе нормальная личность", — писал Б. С. Братусь [11].

Интерес к проблеме обеспечения, гарантирования и соблюдения общечеловеческих ценностей как основных регуляторов социальной активности в конце XX века закономерен. Люди устали от неизвестности, от агрессивной внешней среды, политики и подполитиканства, от страха за свою жизнь и благосостояние, от явно или скрыто проявляемых и идеологически обоснуемых тенденций к агрессивной глобализации и монополизму. "Физиологам стоило бы хорошенько задуматься, прежде чем объявлять инстинкт самосохранения основным инстинктом, присущим органическому существу. Ведь живому организму

прежде всего хочется "выпустить" свою силу, — сама жизнь есть война к власти, а самосохранение — лишь одно из косвенных и наиболее частых последствий этого..." — писал Ф. Ницше [12].

В противовес этому, основные мировые религии, переходя от ортодоксальной вражды к мировоззренческому консенсусу, реализуя детерминированную развитием цивилизации тенденцию снижения жесткости нормативных санкций, во главу угла ставят человека как самоценность. "Интенсивность кар (и наград), — отмечал П. Сорокин, — тем более велика в каждой исторической момент, чем более примитивно данное общество и чем больше антагонистической разнородности в психике и поведении его членов. И обратно, чем более культурно данное общество и чем более однородна психика и поведение его членов — тем менее жестоки кары и менее интенсивны награды" [13].

В этой связи привлекает внимание то, что в человеческой природе изначально заложены такие рациональные качества как самосохранение, солидарность, нравственный долг, рациональная гармония, и совершенствование. "Поэтому рациональность человека, — писали М.-А. Робер и Ф. Тильман, — заключается не только в мыслительном акте, неподвластном законам восприятия, сколько в его перцептивной реорганизации, связанной с опытом. Разумный человек, решая проблему, расширяет полк решений, рассматривает все большее число возможных последствий своих действий и их вероятности и яснее осознает свои потребности, стоящие перед ним социальные требования и ценности, которые он выбирает" [14].

Соответственно, основанное на законе самосохранения нормальное безопасное поведение связано с тем, что "человек инстинктивно влечет к жизни и благу, он страшится смерти, избегает всего, что может быть вредно, старается сохранить уже приобретенные блага и всеми доступными ему способами стре-

мится к приобретению все большего и большего блага. Этот закон побуждает человека беречь свою особу, заботиться о ней и обставлять ее наилучшими условиями существования" [15]. Такая родовая человеческая сущность, выражающаяся в творческом характере жизнедеятельности, способностях к самоотдаче и любви, — и является нормой безопасного поведения.

Понимая "отрыв от родовой сущности" отклонением от нормального поведения, можно согласиться с Б. С. Братушем, считающим, что смысловыми условиями и критериями аномального развития (и, наверное, в значительной мере отклоняющегося поведения) следует считать: отношение к человеку как к средству, как к конечной, заранее определенной вещи (центральное системообразующее отношение); эгоцентризм и неспособность к самоотдаче и любви; причинно обусловленный, подчиняющийся внешним обстоятельствам характер жизнедеятельности; отсутствие или слабую выраженность потребности в позитивной свободе; неспособность к свободному волепроявлению, самопроектирование своего будущего; неверие в свои возможности; отсутствие или крайне слабую внутреннюю ответственность перед собой и другими, прошлыми и будущими поколениями; отсутствие стремления к обретению сквозного общего смысла своей жизни [16].

В этой связи виктимность как способность субъекта становиться жертвой социально-опасного проявления выступает в ее общетеоретическом понимании как явление социальное (статусные характеристики ролевых жертв и поведенческие отклонения от норм индивидуальной и социальной безопасности), психическое (патологическая виктимность, страх перед преступностью и иными аномалиями) и моральное (интериоризация виктимогенных норм, правил поведения виктимной и преступной субкультуры), которое, определяясь соотношением демографических и социально-ролевых факторов, ориентирующих индивида (социальную группу) на

удовлетворение определенных потребностей безопасного поведения с заданными обществом возможностями их удовлетворения, равно как и иными общими политическими, социальными и экономическими условиями жизнедеятельности общества, детерминируется антагонизмом между уровнями признания (социальный аспект), возможностей (психический аспект) и притязаний (моральный аспект).

Естественно, что многообразие угроз безопасности личности в современном мире не позволяет создать абсолютно эффективную систему защиты жертв преступления. Вместе с тем, мировая практика свидетельствует, что основанное на понимании приоритета прав человека соблюдение баланса интересов личности, общества и государства в процессе нейтрализации негативных аспектов виктимизации, объединяет людей вокруг государства, способствуя рационализации и гармонизации как внутренней так и внешней политики [17]. Понимание этого факта отчетливо прослеживается при анализе существующих правовых моделей. Более того, оно объективно диктуется самим ходом развития политико-правовых идей и соответствующих им нормативных систем.

Так, в традиционных "правовых" системах жертвы преступления всегда находили поддержку и помощь от своего племени. Неформальная социальная среда облегчала страдания жертвы, полученные в результате виктимизации и содействовала жертве в восстановлении нарушенного статуса. Более того, община часто помогала в разрешении конфликта, и где возможно, — в принятии репрессивных мер по отношению к правонарушителю. В указанных обстоятельствах виктимизация всегда включала три стороны — жертву (ее семью), правонарушителя (его семью) также как и всю социальную группу [18].

В эти "примитивные" времена социальный контроль, реституция и наказание (месть) осуществлялись непосредственно лицами потерпевшими от преступлений, которые самостоятельно

(или их семьи) брали отправление правосудия в свои руки. Этнографические исследования свидетельствуют, что ранними формами социального контроля, естественно, были месть жертвы и репарации. Например, в племенном "праве" индейцев-шайеннов и команчей содержались нормы, согласно которым преступление против личности рассматривалось как преступление против семьи или племени, и притязания жертвы зачастую брались на себя племенем. Традиционные формы санкций, такие как кровная месть, вендетта или денежное возмещение предполагали не только восстановление личности, но и восстановление власти племени, поддержание условий его выживания. "Да не пощадит его глаз твой; смой с Израиля кровь невинного, и будет тебе хорошо" [19].

Оскорбляющий должен понести наказание — такова всем знакомая схема, защищающая людей от агрессивности и грубости. "Да не пощадит его глаз твой; душу за душу, глаз за глаз, зуб за зуб, руку за руку, ногу за ногу" [20]. Существующие исключения в племенных системах санкций, при которых наказывался не обидчик, а жертва (например, арнемлендский обычай мирирери, характеризующий правила применения замещенной агрессии во внутриклановых отношениях) только подтверждали общее правило: защита жертвы необходима ради самосохранения семьи и общины в целом [21]. Естественно, что традиционные правовые системы не всегда являлись идеальными с точки зрения жертвы; во многом реакция общины на правонарушение зависела от материального положения самой жертвы и социальной роли, выполняемой ею в данной общине.

В рабовладельческом обществе компенсация и реституция использовались с целями усиления карательной сущности наказания преступника. Кодекс Хаммурапи (1750 г. д. н. э.) [22] был построен на мести и жестокости. В те времена обыденным наказанием для вора считалось отсечение руки, а для насильника — кастрация [23]. Изредка на-

казание преступника в тридцать раз превышало причиненный им ущерб. Кодекс Хаммурапи также рекомендовал семье жертвы и семье обвиняемого принимать на себя ответственность за помощь жертве в случае, когда преступник сбежал или не может быть найден, и, следовательно, не может быть принужден к уплате реституции.

В процессе развития систем права, сопровождающегося глобальными изменениями мировоззрения, в Средние Века общей точкой зрения стала констатация того факта, что жертва преступления должна получать возмещение и защиту через систему обычного, единого права, а не через систему правосудия в свои руки. Определенные виды поведения стали верифицироваться государством как преступления, надеясь при этом свойством общественной опасности не только для жертвы, но и для всего общества в целом. В это время государство берет на себя ответственность за расследование преступлений, возлагая на себя ответственность за восстановление виновного к ответственности в соответствии с законом. Жертва же практически отстраняется от участия в процессе репарации и реституции. В связи с наличием государственных, высших интересов в привлечении правонарушителя к ответственности потребности жертвы в компенсации резко ограничиваются. Решения выносятся в соответствии с интересами государства и общества, а не жертвы [24].

Нельзя, однако, утверждать, что существующая историческая тенденция по отношению к жертве преступления выражается только и исключительно в постепенном ухудшении ее положения. Историки отмечают тенденцию ограничения карательной сущности наказаний в зависимости от уровня развития демократических общественных отношений. "От неограниченной мести — к талиону, от обязательного талиона к факультативному, от обязательной мести — к допускаемой, от разрешаемой мести к системе композиции и прощения. Таков путь постепенного ограничения кар и постепенного их падения", — писал П. Сорокин, анализируя историчес-

кую тенденцию изменчивости наказаний в зависимости от господствующей общественной психологии и системы социально-экономических отношений [25].

Естественно, что основанные на идеологии равенства современные демократические правовые системы обеспечивают гораздо большую защиту простым людям через функционирование уголовной юстиции и системы социального контроля. Но, несмотря на это, к середине двадцатого века во многих странах жертва преступления стала забытой фигурой в системе уголовной юстиции. Учитывая, что государство стало представлять интересы жертвы, необходимость ее участия в уголовном процессе была ликвидирована (либо усечена до минимума). Правовые системы начала двадцатого века гораздо большее внимание уделяли обеспечению минимальных стандартов отправления правосудия по отношению к преступникам, расширяя их права и соответствующие гарантии соблюдения прав и интересов личности преступников в процессе уголовного преследования. Аналогичное внимание отнюдь не уделялось самой жертве. М. Сигал достаточно экспрессивно выразил эту тенденцию: "Уязвимая, озлобленная, незащищенная жертва, выжившая в криминальном конфликте, видит преступника, который накормлен, снабжен жилищем, обеспечиваемого правовой, медицинской и психиатрической помощью — вплоть до обучения и трудового воспитания. Жертва же... выживает в одиночку" [26]. Данное обстоятельство переноса жертвы преступления на периферию системы уголовной юстиции можно объяснить следующим образом:

Во-первых, существовавшие (и некоторые ныне существующие) системы были сориентированы в основном на осуществление контроля над преступностью с помощью мер наказания и формального социального воздействия. Лозунги исправления и перевоспитания оставались только лозунгами. На деле преступников рассматривали как дешевую рабочую силу в тоталитарных го-

сударствах либо как неизбежный элемент социального развития, требующий повышенного, жесткого, порой ничем, кроме высшей, божественной целесообразности не оправданного, формализованного и сурового контроля со стороны государства в демократических и иных странах.

Исчезновение мирового противника вместе с официальной идеологией, анемия, постоянная рефлексия, поиски и формирование "образа врага" на криминальной, национальной, экономической, политической основе реализуются в агрессивных требованиях и установках на социальную защиту населения от любой потенциальной угрозы. Диктуемое стремление достижения победы (охраны) высших ценностей, вовлечение все большего количества людей в социальную борьбу, какие бы формы она ни принимала на самом деле, является мощным катализатором агрессивности и конфликтности.

Незаконное экспериментирование над людьми, терроризм, захват заложников, геноцид, апартеид, работорговля, пытки, насилие во всех его формах и проявлениях — далеко не полный перечень незаконных деяний, которые правительств, административные и военные органы, международные корпорации, медики, родители применяли и применяют в отношении других людей — бедных, женщин, детей, членов этнических, культурных и религиозных меньшинств, диссидентов, бездомных, безработных, стариков. В этой связи совершенно естественно выглядят предложения об усилении репрессии, о недопустимости гуманизации превентивной практики [27].

Абсолютизация принципа целесообразности применения насилия в ущерб законности, тотальное отчуждение граждан от системы управления обществом, не могли не способствовать ограничению возможностей соблюдения интересов и прав простого человека, объясняемых высшими целями и идеалами. "Разумные соображения, любая критика или встречные доводы, говорящие против действий, диктуемых вооду-

шевдением, заглушаются за счет того, что замечательная переоценка всех ценностей заставляет их казаться не только не основательными, но и просто ничтожными и позорными". Призывы же к изменению вектора уголовной политики от кары преступников к защите потерпевших [28], к формированию реального, а не формального гражданского общества, шли в большинстве стран вразрез с недекларируемой на бумаге, но проводящейся на деле (и поддерживаемой значительным количеством населения) деятельностью по социальному контролю над преступностью.

В этой связи экспертами ООН была специально проведена оценка риска обеспечения баланса между взаимоперекрещивающимися направлениями контроля над преступностью и системой уголовной юстиции. С одной стороны, все большему развитию подвергается направление, связанное с обеспечением прав правонарушителей, внедрением единых стандартов справедливого обращения с ними, с другой — жестких форм наказания. С другой стороны, современные криминологические исследования подчеркивают профилактическую и социальную значимость законодательного обеспечения прав жертв преступлений на личную безопасность и защиту со стороны закона и, в ряде случаев, на возмещение ущерба, причиненного преступлением.

Эта проблема нашла отражение в новой Конституции Уганды, которая, руководствуясь принципом приоритетности соблюдения основных прав и свобод человека в гражданском обществе, специально указывает на право граждан на свободное развитие личности (ст. 22), на защиту своих прав и свобод посредством использования системы правосудия и судебной власти, а также возможность их защиты любыми, не запрещенными законом способами (ст. 55), наконец, на возмещение за счет государства материального и морального вреда, причиненного лицу незаконными действиями государственной власти, местного самоуправления, незаконным осуждением (ст. ст. 56, 62).

Основываясь на Конституции, Верховная Рада в Концепции национальной безопасности специально указала на приоритетности соблюдения и обеспечения основных прав и свобод гражданина, верховенство права в системе действующих властеотношений, раскрывая указанные аспекты применительно к проблеме обеспечения экономической, политической, социальной и информационной безопасности. Вместе с тем как в Конституции, так и в принятых в ее развитие нормативных актах вопросы, касающиеся организации специальной защиты потерпевших, виктимологической профилактики преступлений носят фрагментарный, эпизодический характер.

Такая же ситуация возникла и при организации законодательного обеспечения прав жертв преступлений на получение компенсации за ущерб, причиненный преступлением и злоупотреблением властью. Нельзя не отметить, что некоторые попытки в этом направлении были сделаны. Например, в соответствии с Постановлением Верховного Совета Украины от 26 января 1993 г. "О состоянии исполнения законов и постановлений Верховного Совета Украины по вопросам правопорядка и мерах по усилению борьбы с преступностью" Кабинету Министров Украины рекомендовано принять меры по созданию специального Государственного фонда возмещения ущерба потерпевшим от преступлений и злоупотреблений властью. Положения, касающиеся организации Государственного Фонда помощи потерпевшим от преступлений содержатся в Распоряжении Президента Украины "О мерах по активизации борьбы с коррупцией и организованной преступностью" (1995 г.). О государственной поддержке жертв преступных посягательств и злоупотребления властью говорится в Государственных программах борьбы с преступностью в Украине и в Законе Украины "Об организационно-правовых основах борьбы с организованной преступностью", Законе "О порядке возмещения ущерба, причиненного гражданину незаконными действиями органов дознания, предвари-

тельного следствия, прокуратуры и суда" [29] и в ряде иных нормативных актов.

Эффективность правоприменения и формирования справедливой системы уголовной юстиции, включение мер противодействия преступности в программы социального развития государства напрямую связаны и обеспечением прав граждан на личную безопасность и развитие их экономического и социального потенциала. Поэтому представляется целесообразным рассмотрение вопроса о создании основанной на положениях принятой Генеральной ассамблеей ООН в 1985 г. Декларации основных принципов правосудия для жертв преступлений и злоупотребления властью, Конвенции Совета Европы по компенсации жертвам насильственных преступлений, ратифицированной в 1988 г., и иных международно-правовых документов, конституционной Декларации прав потерпевших от преступлений и злоупотреблений властью.

Такая Декларация, развивая положения Конституции, действительно отразила бы общие принципы правового положения жертв преступлений в национальной правовой системе, реально как закон прямого действия способствуя обеспечению баланса соблюдения интересов личности, общества и государства, и служа основой и ориентиром при формировании специального законодательства о профилактике преступлений.

Литература:

1. См.: Webster's new collegiate dictionary / — Merriam Webster, G. & Merrilam company, Springfield, Mass., 1980. — P. 1037.
2. См.: Costing a bomb // The Economist — January, 4th-10th. — 1997. — P. 46.
3. Согласно экспертным оценкам, Иран, Ирак, Ливия, Сирия и Северная Корея, достаточно активно помогают друг другу в разработке ракетных программ. В случае, если финансируемая Ираном и весьма интересующая Ливию разработка корейской двухступенчатой ракеты "Нодонг-2" увенчается успехом, ракета, запущенная из Ливии, сможет достичь практически любой страны Ев-

- ропы. См.: *Circles of fear // The Economist — January, 4th-10th. — 1997. — P. 49.*
4. См.: *Costing a bomb, p. 47.*
5. См.: Писанская В. Безопасность одна для всех // *Голос Украины. — 1996. — 30 ноября.*
6. См.: О Концепции (основах государственной политики) национальной безопасности Украины: Постановление Верховной Рады Украины от 16 января 1997 г. // *Відомості Верховної Ради України. — 1997. — №10. — Ст. 85.*
7. См.: Украинцев В. Угрозы не так уж страшны, если их знать в лицо: система взглядов на обеспечение безопасности коммерческих структур // *Телохранитель. — 1995. — №1. — С. 58-61.*
8. Плахов В. Д. Социальные нормы. Философские основания общей теории. — М., 1985. — С. 250.
9. Смейлзер Н. Социология. — М., 1994. — С. 239.
10. Салтыков-Щедрин М. Е. Господа Головлевы. Сказки. — М., 1984. — С. 305.
11. Братусь Б. С. Анализы личности. — М., 1988. — С. 14.
12. Ницше Ф. По ту сторону добра и зла // *Вопросы философии. — 1989. — № 5. — С. 130.*
13. Сорокин Питурич. Наказание и кара: Подвиг и награда. — С.-Петербург, 1914. — С. 424.
14. Робер М.-А., Тильман Ф. Психология индивида и группы // М., 1988. — С. 102.
15. Балу А. Цит. по: Иванов В. М. Христианство и ненасилие // *Принципы ненасилия. — М., 1991. — С. 47.*
16. Братусь Б. С. Указ. соч., с. 51.
17. См.: О Концепции (основах государственной политики) национальной безопасности Украины.
18. См.: *International manual on the use and application of the Declaration of basic principles of justice for victims of crime and abuse of power. — A draft manual designed by the 2th UN Experts Meeting On Victims Of Crime And Abuse Of Power In The International Setting — USA, Tulsa — Aug. 1996.*
19. Второзаконие. — Гл. 19. — Ст. 13
- / Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета. — М., 1991. — С. 211.
20. Второзаконие. — Гл. 19. — Ст. 21.
21. См.: Абрамян Л. А. Оскорбление и наказание: слово и дело (к истолкованию армянского обычая *миририра*) // *Этнические стереотипы поведения. — Л., 1985. — С. 279-296; Fehrenbach T. R. Comanches: The destruction of a people — New York: Alfred A. Knopf, 1974.*
22. См.: Хрестоматия по истории государства и права зарубежных стран. — М., 1984. — С. 22.
23. См.: Франк Л. В. Виктимология и виктимность. — Днепропетровск, 1972. — С. 8-12; Полубанецкая Е. В. Виктимология и виктимология. Что это такое? — гл. 1 — М., 1977.
24. См.: Mueller G. O. V. & Cooper H. H. A. Society and the victim: alternative responses // *Victimology: A new focus / Draffin I., Viano E. — eds. — Lexington, MA: D. C. Heath. — 1974. — Vol. 2. — P. 85-102.*
25. Сорокин Питурич. Наказание и кара: Подвиг и награда. — С.-Петербург, 1914. — С. 424.
26. Siegal M. Crime and violence in America: The victims. // *American Psychologist. — v. 38. — 1983. — P. 1271.*
27. См., например: Никифоров А. С. Что нам делать с организованной преступностью? // *Организованная преступность. — М., 1996. — С. 134.*
28. См.: Второй Международный Причерноморский социологический симпозиум "Преступность, социальный контроль и права человека". Материалы. Т. 1. — Одесса, 1996.
29. Див., наприклад: Державна програма боротьби із злочинністю // *Урядовий кур'єр. — 1993. — 5 серпня; Об организационно-правовых основах борьбы с организованной преступностью: Закон Украины от 30 июня 1993 г. // Голос Украины. — 1993. — 6 авг.; О порядке возмещения ущерба, причиненного гражданину незаконными действиями органов дознания, предварительного следствия, прокуратуры и суда: Закон Украины от 1 декабря 1994 г. // Голос Украины. — 1994 г. — 17 дек.*